

Н. Банников

О Валерии Брюсове

Чеканный, сжатый, твердый, словно кованный, стих, скульптурно-выпуклая четкость образов, краткая, стремящаяся к афоризму фраза — это все, несомненно, бросится в глаза читателю, даже впервые взявшему в руки книгу Брюсова.

Величав и торжествен строй поэзии Брюсова, у него будто трубный голос, медное звучание. Поэтом «бронзы и мрамора» назвал Брюсова один его современник. Брюсовская строфа — литая, упругая, ее, как тяжелый сгусток лавы, хочется взвесить на ладони. А.В. Луначарский писал:

«Брюсов мужествен, Брюсов любит материю, любит камень и металл больше, чем лучи, газ и пары, любит весомую, подчиняющуюся чеканке природу более, чем неуловимое и невыразимое; редко ищет намеков, старается, наоборот, словом захлестнуть, как арканом, свой предмет, очертить его им, как крепкой графической линией».

Давно замечено, что Брюсов преимущественно художник зрения, а не слуха, что он обожает «меру, число, чертеж». В этой расчерченной, вымеренной архитектонике, где действует, как у ваятеля, прежде всего резец и молот, — сила Брюсова. У него своя, тяжелая, чуть громоздкая поступь, свой, резко обозначенный лик.

Брюсова часто упрекали в рационализме, корили за холод, проникнувший в его поэзию. Что ж, кого-то, может статься, и не тронут брюсовские стихи, а упорный труд, самоотверженную работу поэт ставил превыше всего в жизни. Уподобляя себя пахарю, он не без вызова своим критикам писал:

Вперед мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!

Выступив в литературе в конце XIX века, Брюсов быстро занял главенствующее место среди писателей, составивших тогда особое течение — школу символизма.

Как это ни парадоксально, но, будучи лидером символистов, многими гранями своей природы Брюсов был им чужд, и с течением лет это становилось все очевиднее. Символисты стремились к тому, чтобы за их книгами открывался невидимый взору, «потусторонний» мир, их стихи были полны недосказанностей и намеков, поэт, по мнению этих людей, являлся как бы священнослужителем, теургом, магом. Это были идеалистические послышки, безусловная мистика. А поэтическое мышление Брюсова в основе своей носило конкретный, реалистический характер. Воспитанный на уважении к именам Дарвина, Чернышевского, Писарева, Некрасова, поклонник трезвого и ясного разума, атеист Брюсов отказывался считать целью поэзии некий поиск новой, утонченной и подкрашенной религии. Впоследствии Брюсов вспоминал о жестоких спорах со своими коллегами, распекавшими его за «реализм в символизме», за «поэтивизм в идеализме». Он чувствовал себя среди своих сотоварищей, по его же признанию, «как заложник в неприятельском лагере».

Но сказать только это — значило бы исказить истину. Дорога Брюсова к лучшим его творениям, лучшим стихам, была очень трудна. Ученик одной из московских гимназий, затем студент-историк Московского университета, Брюсов примыкает к зарождавшемуся тогда декадентско-буржуазному «новому искусству» и подпадает под его во многом отрицательные черты.

Правда, «новые поэты» начала двадцатого века в какой-то мере освежали стих, обогащая его формы, ритмику, словарь, краски. Но вместе с этим декадентское искусство

несло с собой крайний индивидуализм, отрешенность от земной, социальной действительности, тягу к бесплотной, анемичной, усыпляющей «мечте». Все это надо иметь в виду, когда читаешь и мастерское стихотворение-декларацию Брюсова «Юному поэту», и ранние его экзотические строфы «На журчащей Годавери», возникшие под влиянием французских поэтов-парнасцев, и некоторые другие стихи. В сознании Брюсова — а следовательно, и в его стихах — длительное время, вплоть до Октябрьской революции, шло противоборство упадочных декадентских и здоровых, реалистических начал. Тем удивительней были победы Брюсова, его истинные достижения, и тем благородней — его идейные искания, приведшие поэта к революционному народу, к деятельному участию в создании социалистической культуры.

Как и Блок, Брюсов обладал обостренной чуткостью к общественным переменам, к сдвигам истории. Брюсовский историзм, может быть, в первую очередь способствовал тому, что поэт ощутил обреченность буржуазного уклада жизни, почувствовал грандиозные масштабы свершений, которыми был чреват едва начавшийся тогда двадцатый век. Брюсов презирал буржуазный миропорядок, в его глазах он был «позорно-мелочный, неправый, некрасивый». Романтически «преобразуя» часто неприглядную, серую действительность в своих стихах, Брюсов жаждет героического, яркого. Но героическое он искал или в былых веках, или в далеком будущем.

Революция 1905 года ворвалась в его поэтические горизонты как волна небывалого по размаху циклона. Она вызвала у Брюсова огромную встряску, духовный переворот. Стоит только прочесть словно наэлектризованный энергией брюсовский «Кинжал», а он написан даже в упреждение событий, в предвидении их, прочесть знаменитого «Каменщика», такие стихотворения, как «Довольным», «Грядущие гунны», — и порыв поэта к революции раскроется во всей его искренности и решительности. Нет спора, в этом порыве было тогда нечто анархическое. «Ломать — я буду с вами! Строить — нет!» — говорил Брюсов в 1905 году, обращаясь к будущим обновителям жизни. Он писал в стихах, что наступающие грозные массы несут ему гибель, уничтожение и что он с готовностью идет на эту гибель. Жизнь, как мы знаем, показала, что поэт заблуждался: победивший народ, законный наследник всей мировой культуры, проявил рачительную заботу об искусстве, а сам Брюсов при Советской власти нашел для себя обширное поле работы.

Поэзия Брюсова, если взять по всей широте, очень богата. Удивительно разнообразны ее мотивы, жанры, тематика. Мы видим здесь и множество лирических, нередко самых интимных, произведений, и открыто гражданские, выдержанные в ораторской манере, стихи-декларации. В его поэзии встречается и мягкий, написанный почти в традиционноклассических тонах, русский пейзаж, и мощные картины города. Брюсов явился в русской литературе XX века, в сущности, первым поэтом-урбанистом. Именно он ввел в нашу поэзию образ современного города с его людскими толпами, криками газетчиков и огнями реклам. Поэт влюблен в этот город, он видит в нем то жаркое горнило, в котором куется будущее Земли. Брюсов знает всю изнанку города, все его социальные контрасты и противоречия, и он великолепно чувствует, что не так уж далеки сроки, когда на город предъявит свои права его истинный властитель — пролетариат:

И, спину яростно клоня,
Скрывают бешенство проклятий
Среди железа и огня
Давно испытанные рати.

Эти знаменательные строки из стихотворения «Ночь» написаны поэтом в 1902 году.

Брюсову было присуще стремление объять в своем творчестве все времена и все страны. Он создает огромный цикл историко-мифологических баллад, где, проявляя редкостную эрудицию, рисует образы восточной, эллинской, римской, скандинавской древности. Поэта привлекают не только такие «властительные тени», как Александр Македон-

ский, Юлий Цезарь или Наполеон, не только овеянные славой воители или мореходы. Нет, он воспевает и безвестных строителей римских дорог («На форуме»), и безымянного египетского раба, угнетенного и униженного, но несущего в себе гордое сознание творца, соиздателя вечных пирамид. Тема творческого труда, духовного дерзания и отваги человека пронизывает все лучшие страницы брюсовских книг. В удивительных стихах, озаглавленных «Хвала Человеку», Брюсов набрасывает захватывающую картину побед человечества над стихиями природы. В наши дни, когда мы являемся свидетелями практического осуществления небывало смелой задачи — завоевания космоса, с особым интересом читаются стихи Брюсова, где запечатлены его мечты о грядущем, о неизбежности будущих связей Земли с другими мирами. Поэт верил в то, что такое время не столь отдаленно. В своей статье «Эпоха чудес», опубликованной в 1918 году, он даже утверждал, что «попытка завязать отношения между человечеством и разумным населением соседских планет» должна стать очередным делом науки.

Нельзя обойти и еще одну существенную черту Брюсова как личности — многогранность его познаний. В 1917 году, в ответ на присланное им приветственное стихотворение, Максим Горький писал:

«Давно и пристально слежу я за Вашей подвижнической жизнью, за Вашей культурной работой, и я всегда говорю о Вас: это самый культурный писатель на Руси! Лучшей похвалы — не знаю; — эта искренна».

Жизнь Брюсова была действительно истинным подвигом труда. Начитанность и эрудиция поэта вызывала почтительное удивление у всех, кто с ним сталкивался. Размах его интересов был поразителен. О работоспособности Брюсова можно судить хотя бы по тому, что, прожив всего пятьдесят с лишним лет, он выпустил восемьдесят книг. Если бы издать полное собрание сочинений Брюсова, оно составило бы несколько десятков томов. Валерий Брюсов писал не только стихи и поэмы, но и драмы, и прозу. Его повести и исторические романы, в частности «Огненный ангел» — из жизни Германии XVI века и «Алтарь победы», посвященный быту Римской империи IV века, не утратили своей художественной ценности и поныне, хотя написаны свыше пятидесяти лет назад.

Знаток языков, Брюсов много переводил — в особенности любимых им латинских и французских поэтов, знаменитого фламандца Верхарна. Он создал целую антологию армянской поэзии в русских переводах, за что в 1923 году был удостоен звания народного поэта Армении. Брюсов был замечательным историком литературы и критиком, теоретиком стиха. Он усердно занимался изучением творчества Пушкина, Тютчева, Баратынского и других деятелей литературы, оставив глубокие работы о них. История культуры античного мира и эпохи Возрождения, время Пушкина в России, философия древних и новая философия, история математики, читаемая им специальным курсом в университете, наконец, средневековые оккультные науки — все это входило в круг интересов Брюсова. Недаром один биограф поэта назвал его Русским Фаустом. Страсть Брюсова к знаниям была неукротима. Он писал в дневнике, перечислив все области наук, которые знал и которыми хотел бы овладеть:

«Боже мой! Боже мой! Если бы мне жить сто жизней — они не насытили бы всей жажды познания, которая сжигает меня!»

Таков был этот замечательный человек. Обаяние умственной его силы, почти гипнотическое воздействие его облика на литераторов той поры отмечено многими мемуаристами. Поэт и художник Максимилиан Волошин описывал Брюсова по первой встрече с ним, состоявшейся в 1903 году:

«Лицо очень бледное, с неправильными, убегающими кривизнами и окружностями овала. Больше всего останавливали внимание глаза, точно нарисованные черной краской».

Другой современник отмечал:

«В остром внимательном взгляде Брюсова, в его сдержанности и спокойствии чувствовалась огненность темперамента».

Образ упругого лука приходил на ум Андрею Белому, когда он видел сдержанные и точные, властительные жесты Брюсова, работавшего в редакции, у телефона, «в наглухо застегнутом сюртуке». Волошин уловил в Брюсове тогда же, при первой встрече, нечто исконно народное, по-раскольничьи непреклонное. При всей светскости и европейской изысканности манер поэта его «крепкая мужицко-скифская натура», «складка упрямства» не могла ускользнуть от пронизательного взора. Валерий Брюсов — этого нельзя забывать — был внуком крепостного крестьянина-костромича. Брюсов писал:

Во мне вдруг вздрогнет доля деда,
Кто вел соху под барский бич.

Даже в яростной одержимости Брюсова науками, знанием, в цепкой его рабочей самоотверженности видится нечто такое, что было свойственно тогдашним ученым — выходцам «из низов», из народа.

Брюсов безоговорочно встал на сторону революции. Пренебрегая враждебным отношением былых своих литературных соратников, он не прекращает писать, создает немало живых, полнокровных стихотворений, отразивших то бурное время. Он берет на себя массу обязанностей, связанных с просветительской работой Советского правительства, с охраной культурных ценностей. Книжная палата, Наркомпрос, организованный по почину Брюсова Литературный институт — таковы лишь отдельные вехи его активной деятельности. В годы зарождения советской литературы Брюсов явился одним из ее учителей. В 1919 году он вступил в Коммунистическую партию. 50-летний юбилей был торжественно отмечен советской общественностью. В октябре 1924 года Брюсов скончался. Сергей Есенин откликнулся на смерть Брюсова статьей, в которой писал:

«Все мы учились у него. Все мы знаем, какую роль он играл в истории развития русского стиха... Большой мастер, крупный поэт, он внес в затхлую жизнь после шестидесятников и девяностых годов свежую струю и новые формы. Брюсов первый пошел с Октябрем, первый стал на позиции разрыва с русской интеллигенцией. Сам в себе зачеркнуть страницы старого бытия не всякий может. Брюсов это сделал».

Сборники зрелых стихов Брюсова, начиная с «Третьей стражи» и «Городу и миру», составили в нашей поэзии целую эпоху. След его жизни и труда в истории русской культуры неизгладим.